

*Воспоминания моей тещи, М.Б.Деревянко,
о войне и оккупации
Из книги М.Б.Деревянко «Я помню...»,
Воронеж, 2011.*

Война и оккупация

Данная книга воспоминаний написана Марией Борисовной Деревянко, учителем, ветераном труда, членом союза писателей «Воинское содружество».

М.Б. Деревянко подростком перенесла три года немецкой оккупации в Белоруссии и правдиво и откровенно описала свои впечатления от этого периода.

ДЕРЕВЯНКО МАРИЯ БОРИСОВНА

Писатель, публицист, член Союза писателей «Воинское содружество», ветеран педагогического труда, автор книг: «Белоруссия - молодость моя», «Два года в Китае», «Сердце букового края», «Тепло солнечного города», «Я люблю этот город», «Память сердца», «Связь поколений», автор рассказов «Утраченное», «Первые уроки», «Об этом забывать нельзя»

Родилась 28 мая 1927 года в деревне Яновка Речицкого района Гомельской области в семье служащего. Детство и юность прошли в Белоруссии. Во время войны с 1941 по 1943 годы пережила страшное время немецкой оккупации. В 1946 году уехала с семьей в Китай в город Дальний, где находилась воинская часть отца. В Китае вышла замуж за лётчика, ветерана второй мировой войны Григория Яковлевича Деревянко.

В 1948 году семья Деревянко вернулась в СССР на Украину в город Черновцы, где Мария Борисовна окончила педагогическое училище, работала воспитателем в детском доме. В 1953 году она окончила Черновицкий учительский институт и с 1953 по 1956 работала в школе учителем русского языка и литературы. В 1959 году окончила Станиславский педагогический институт по специальности «русский язык и литература».

В 1959 году переехала вместе с семьей в город Ташкент, где работала до 1966 года методистом по русскому языку и литературе в Октябрьском районном отделе образования и одновременно преподавателем русского языка и литературе в узбекской средней школе.

После землетрясения в июле 1966 года по распоряжению Совета Министров РСФСР и Узбекской ССР семья была направлена в числе 50 семей на постоянное место жительства в город Воронеж.

В Воронеже с августа 1966 года по 1972 год работала методистом, а с 1972 по 1978 год инспектором районного отдела образования Ленинского района города Воронежа и преподавателем русского языка и литературы, а в 1978 году была переведена на работу в школу завучем, где работала в этом качестве до 1985 года.

Во время работы в районо и в школе систематически знакомилась с опытом учителей, обобщала его в периодической печати (в журнале "Русский язык в национальной школе", в "Учительской газете", в других методических сборниках).

Вступление

*Она такой вдавила след
И стальных наземь положила,
Что двадцать лет, и тридцать лет
Живым не верится, что живы.
К. Симонов*

Война... Жестокое слово, лишаящее людей сил, но не сломившее их веры и надежд. Война оставила родным лишь письма с фронта, боевые награды и ту самую частичку, которая до сих пор соединяет нас с прошлым - память. Но со временем медали теряются, письма желтеют, а память остается, ведь она вечна.

Минуло уже 65 лет с того дня. Шестьдесят пять раз выпадали и таяли снега. Шестьдесят пять раз расцветали яблони. Главным за шестьдесят пять минувших лет был тот далекий теперь уже день в мае, когда человеческое сердце готово было разорваться от простого русского слова - Победа!

Много воды утекло, заросли окопы, исчезли пепелища, города преобразились, выросли новые поколения...

Я прочитала массу воспоминаний ветеранов войны, изучила много опубликованных и рассекреченных документов о войне, много материалов о войне в Белоруссии нашла на сайте президента Белоруссии Лукашенко. Данные эти меня просто потрясли. Раньше мемуарной литературы о войне было гораздо меньше. Сейчас, очевидно, все понимают, что если сегодня уходящее поколение ветеранов не расскажет о войне, то завтра не у кого будет спросить, как все было на самом деле. Ведь ужасы тех военных лет может осознать и рассказать о них только тот, кто ее сам пережил.... Молодое поколение не может сегодня представить себе огромные поросшие бурьяном поля, почувствовать пресный вкус кирпичной пыли на руинах городов и деревень и запах смерти - не символический, а реальный.

И, конечно, как очень верно заметил в своих воспоминаниях ветеран вооруженных сил и Великой Отечественной войны В. Тюленев, у каждого человека, которого коснулась война, была своя война, свой фронт. Кто воевал на полях сражений, в окопах, кто был в тылу, работал на заводах, помогая фронту, кто в оккупации.

Рассказывать о тех страшных картинах спокойно невозможно, все это надо было видеть, пережить и спустя много лет осмыслить.

После распада СССР наша жизнь круто изменилась, разбросала людей по разным странам, разрушила прежние идеалы, которыми люди жили, строили, воевали, побеждали. И теперь во многих бывших республиках не только убрали памятники, сняли мемориальные доски воинам, стерли и закрасили надписи «Мин нет», даже ордена и медали, омытые кровью, продаются на рынке, как товар. И как горько все это видеть нам, старшему поколению — ветеранам, разгромившим фашизм и завоевавшим

мир для всей планеты. ³

Неумолимость жизни подсказывает, что лет через пятнадцать-двадцать от нас уйдут даже те ветераны, кому в год Победы было всего восемнадцать. Уйдут и те, кого война застала совсем малышами. Уйдут последние носители правды о великой войне, и будущим поколениям останутся лишь тексты военных мемуаров, фронтовой литературы и учебников истории для сохранения благодарной памяти об их подвиге.

Впрочем, хочется верить, что народная память о Победе будет жить и без документальных свидетельств. Поэтому так важно выслушать их последние рассказы, запомнить, записать и сохранить для потомков. И молодому поколению, будущему нашей страны, необходимо слушать, читать и хранить память о страшных событиях войны.

Как для меня началась война

Мое предвоенное детство прошло в Белоруссии, в семье дедушки, Харитона Пушкаренко, на хуторе Грабовка в 18 километрах от ближайшего города и от железной дороги.

Как сейчас, вижу дом дедушки на краю хутора, большой двор, палисадник, фруктовый сад, гумно и пасеку. Вокруг хутора густой лес из граба, дуба, ясеня, березы и заливной луг. Недалеко от дома дедушки протекал небольшой ручей, который весной разливался и покрывал луг. Иногда в этом ручье появлялась крупная рыба и жители села с удовольствием вылавливали ее. Через ручей был построен небольшой мостик для перехода и проезда.

Примерно в километре от хутора находилось болото, поросшее мхом, ольхой, березой и другими влаголюбивыми деревьями, травами и кустарниками. По ночам в зимнее время со стороны болота раздавался протяжный вой волков, наводивший ужас на запоздавшего путника. Иногда волки подходили близко к жилищам людей и даже нападали па домашних животных, залезали в сараи, что очень беспокоило местных жителей, и они часто устраивали облавы на волков.

Место вокруг хутора было низкое, заболоченное, поэтому на лугу росли сочные травы и яркие цветы, а в близлежащем лесу - малина, смородина, земляника, черника, голубика, черемуха и лесные орехи.

Воздух всегда был чист, прозрачен, наполнен смешанным ароматом трав и цветов, а также пением птиц и звуками насекомых. В такие минуты не хотелось сидеть в доме, и я часто уходила на луг, ложилась на траву, наблюдала за бегущими облаками и слушала музыку живой природы. Казалось, что я нахожусь в каком-то нереальном, сказочном мире, где все прекрасно - и природа, и люди. Я и сейчас вспоминаю это мое детское ощущение счастья, которое, казалось, будет со мной всю жизнь, вспоминаю с большой грустью.

Когда началась война, мне было 14 лет. К этому времени наша семья переехала в небольшой белорусский городок Речицу на живописном берегу Днепра. Это в сорока километрах от Гомеля, областного центра. Городишко был очень уютный, небольшой, утопающий в зелени, во время моего детства в нем проживало около 50 тысяч жителей.

Дома в 1-2 этажа, набережная, пристань, узловая железнодорожная станция, спичечная фабрика - вот, пожалуй, и все его достопримечательности. Но особенно красив был наш городок во время весеннего половодья, когда Днепр «распоясывался» и выходил из своих берегов, заливая все прибрежные луга. Тогда город казался крошечным островком среди водной глади, и мы бегали в наш центральный парк, расположенный прямо на берегу реки, любоваться этой потрясающей красотой.

Но сюда мы приходили не только для созерцания красот Днепра. Здесь была любимая и возжеленная для молодежи танцевальная площадка с ее духовым оркестром, где мы с наслаждением танцевали по вечерам модные в то время танго,

фокстрот, вальс. Каждый из нас стремился овладеть всеми тонкостями всевозможных «па», чтобы произвести наилучшее впечатление на своих сверстников.

На танцы мы ходили целыми группами и, конечно, пешком, так как, во-первых, общественного транспорта тогда не было и в помине, а во-вторых, это намного продлеvalo нам удовольствие от ожидания праздника - встречи с любимыми мелодиями и друзьями. Шли шумно, весело и громко переговариваясь между собой и с удовольствием постукивая каблучками по деревянным тротуарам и булыжной мостовой, привлекая тем самым еще больше внимания прохожих. В то время ходить по улицам было куда более безопасно, чем сейчас, но мы, тем не менее, предпочитали поостеречься и не рисковать.

В самом центре города находился рынок. Это место в городе считалось самым многолюдным, особенно в выходные дни, когда туда съезжались крестьяне со всех окрестных сел и деревень. На рынке можно было не только что-то купить и продать, но и встретить своих близких и знакомых, проживающих в сельской местности, поскольку почти половина жителей города имела свои корни в селе.

Главной улицей была Советская. В вечернее время она превращалась в место массовых гуляний молодежи, встреч и свиданий. На ней располагались основные «культурные учреждения» - местный кинотеатр, Дом офицеров, драматический театр, еще одна танцевальная площадка. Рядом с центральной улицей Советской находились улицы с названиями, типичными для советских городов того времени - Ленина, Луначарского, Вокзальная, а также Первая Полевая, Вторая Полевая и другие, и по всем по ним мы с удовольствием сначала бегали малышами, а потом, чуть повзрослев, уже чинно и важно прогуливались перед окнами, зная, что являемся предметом изучения наших знакомых и их близких.

В трех километрах от города, в сосновом лесу, вдоль шоссеной дороги, по которой я часто ходила в деревни Безуев и Роменская слобода, находился военный городок, где жили военные со своими семьями. А перед лесом, на открытом месте, красовался Дом культуры и отдыха, тоже для военных. Здание монументальное, светлое, с огромными колоннами и красивым фасадом привлекало внимание жителей и гостей города. Там проходили встречи с известными поэтами и писателями, учеными, выступали лучшие художественные коллективы, певцы и музыканты.

Почти все мои многочисленные родственники жили в городе или неподалеку от нас. Это нам очень помогло в войну - мы помогали друг другу, поддерживали друг друга.

В Речице жили три маминых тети с семьями - тетя Вера, тетя Паша, тетя Акулина. У тети Паши было две дочери, Мария и Валя, и сын Леня. Одна из дочерей Валя была моей подругой, одноклассница, мы с ней вместе учились. У тети Веры было три сына Иван, Александр и Григорий и три дочери: старшие Лариса и Татьяна и младшая дочь Надя, она тоже была моей подругой. Только у тети Акулины было два сына - Александр и Николай. У взрослых детей уже были свои семьи.

В 12 километрах от Речицы, в Демехах, жила одна моя бабушка, мамина мама - Анастасия Семеновна Матюшенко. Ее дети - два сына, Илья и Владимир, умерли еще до войны, осталась одна моя мама, Евдокия Лазаревна.

В Яновке, в 18 километрах от Речицы по шоссеной дороге, жила моя вторая бабушка, тоже Анастасия Семеновна Пушкаренко. У нее было пять сыновей и три дочери: старший сын Илларион, Иван, Антон, Адам и Василий. Дочери Меланья, Пелагея и Софья.

Моя прабабушка Васса жила в деревне Безуеве, сразу за военным городком, в 7 км от Речицы.

Были у меня еще подруги, которые жили неподалеку - Пахоменко Дина, Лариса Евтушкова и Нина Бобченицер.

С соседями у всех нас были всегда очень хорошие отношения. Дома были небольшие, одноэтажные, на два-три хозяина. Люди были доброжелательные, доверяли

друг другу, даже обычно не запирали свои дома, когда уходили.

Все время ходили в гости друг к другу, с удовольствием угощали подруг и друзей своих детей. Обстановка была почти семейная, очень дружелюбная. Никто и не предполагал, что нам предстоит такое испытание как война.

До войны я окончила 6 классов. Тогда в школу принимали с 8 лет.

Летом мне предстояло поехать в пионерский лагерь. Но утром 22 июня мы проснулись от сообщения (на всех улицах висели репродукторы - «тарелки»), что в 4 часа утра немцы бомбили Киев, и что Гитлер объявил войну Советскому Союзу. Началась война, которую никто не ждал.

Ни о каком пионерском лагере уже, конечно, не могло быть речи. Все взрослые были в растерянности, как конечно, и мы, дети. Дети сидели возле своих домов и не играли, как обычно.

Отец мой сразу же в первые дни войны был призван в Красную армию. Он был в командировке, мама к нему поехала, а его прямо из командировки призвали в действующую армию, домой он уже не вернулся и с нами даже не попрощался. Мы его не видели все долгие годы войны.

До начала оккупации война в Речице особо не проявлялась. Люди работали, дети ходили в школу. Мама работала на железнодорожной станции дежурной. В первые дни войны она поехала на поезде к своей маме, которая жила в 12 км от Речицы. Поезд оказался скорый и не остановился на ее остановке, она спрыгнула на ходу и очень сильно ушиблась, лежала несколько дней в больнице, с работы ее сразу уволили. Так начались наши испытания.

Я была из детей самой старшей. Мне было 14. Любе было 11 лет, Шуре лет, Рае было 6, Тане 4 года. Мы все оказались без средств к существованию.

Эвакуации как таковой в Речице не было. По крайней мере, мы о ней ничего не знали. Дом культуры и военный городок были взорваны нашими войсками при отступлении. Знаю, что вывезли семьи из военного городка, вывезли детей из детской колонии, которая располагалась у нас в городе, остальные все остались. Уехали те, кто мог, например, начальство, у которых были машины. Никто не объявлял эвакуации, не предлагал уехать, не организовывал отъезд людей.

Кто смог или догадался - уехал самостоятельно, но большинство жителей не знали, что делать, и остались в городе и близлежащих деревнях.

Оккупация

Через неделю или дней десять мы проснулись от шума машин, мотоциклов и стрельбы. Когда мы вышли на улицу, мы увидели, что вместо наших военных там ходят какие-то иностранные военные, в чужой форме, с треском ездят туда-сюда мотоциклы.

Наша улица в городе была предпоследней - Первая Полевая. Потом была Вторая Полевая и город заканчивался. По нашей улице проходила электролиния - стояли столбы и висели провода. И мы увидели, что на проводах висела половина трупа красноармейца.

Мы поняли, что город оккупировали. Но как-то тихо это все произошло. Сильных боев не было.

Передовые части немцев очень быстро ушли из города. Вместо них пришли, как их называли, эсэсовцы или каратели. Вместе с ними пришли и союзники немцев. У нас в Речице были венгры, итальянцы, румыны, чехословаки и поляки.

Начались перебои со снабжением города, люди перестали ходить на работу.

Школы не работали. Дети не учились. Вместо наших военных в городе ходили немцы и их союзники. Вместо милиции появилась полиция, появились старосты. Старосты и полицейские были из местного населения. От населения требовали

соблюдать тишину. Никакие собрания не проводились. Информацию передавали на русском языке по радио, через репродукторы, которые висели на улицах.

Территорию Гомельской области (около 16 тысяч кв. км) немцы расчленили. Речицкий и еще четыре района (Гомельский, Добрушский, Тереховский и Лоевский) присоединили к рейхскомиссариату Украина. Остальные районов подчинялись администрации тыла группы армий «Центр». Вся власть была сосредоточена в руках военного коменданта.

Инструкции и приказы новой власти содержали неприкрытые угрозы. За враждебное отношение к немецкой армии, укрывательство красноармейцев, партизан и оказание им помощи была обещана смертная казнь. При обнаружении партизан предписывалось брать заложников из местных жителей. Через 24 часа, если партизан не выдадут, заложников предписывалось повесить и взять новых, но в два раза больше.

В Речице были организованы гестапо, СД, русская полиция безопасности, местная гражданская полиция, тайная полевая полиция (ГФП), полевая жандармерия, шуцполиция (охранная полиция), вахткомпания (караульная команда при военной комендатуре) и отряд войск СС.

Конечно, люди бежали в леса и создавали партизанские отряды, которые наводили ужас на немцев, и поэтому с ними оккупанты вели постоянную борьбу.

По опубликованным уже после войны сведениям, в середине сентября 1941 года был рассеян Речицкий партизанский отряд. Многие жители погибли в боях с карателями, некоторые не выдержали трудных испытаний и пытались уйти за линию фронта, к своим.

Тот, кто был в оккупации, знает, что творили немцы в захваченных городах и селах, как уничтожали оставшихся коммунистов, евреев, просто мирных жителей, обвиняя их в сотрудничестве с партизанами.

Прежде всего, репрессиям подвергались представители партийно-советского актива и члены их семей.

Когда после войны я пошла в 7-ой класс, со мной училась девочка Половинко Лариса, я узнала, что до войны ее отец был первым секретарем райкома партии, а когда началась оккупация, он ушел в партизаны и руководил партизанским отрядом, который действовал недалеко от города Речицы. А жена его и две младшие дочери оставались в городе, их немцы расстреляли. А Лариса была вместе с отцом была в одном отряде и осталась жива.

В Речице сначала расстреляли всех коммунистов, тех, кто остался, не уехал. Их находили по документам и архивам, которые не были вывезены, просто не успели вывезти. Возможно, и доносили недруги. За одно только подозрение в связи с партизанами убивали на месте без суда и следствия.

А потом собрали всех евреев города, заставили сначала убрать город, а потом отвели за город в ров и там всех расстреляли.

После войны нашли документы оккупационной власти в Речице. В суточном рапорте по гарнизону Речица от 25 сентября 1941 года, например, сообщалось, что патруль № 1 расстрелял учителя и учительницу, которые были известны как коммунисты и хранили у себя оружие. Патруль № 2 расстрелял трех человек, которые поддерживали связь с партизанами и т.д.

Оккупанты справлялись с мирным населением Речицы без всякого повода, расстрелы проводились повсюду и постоянно.

Рассказывали, как парень ловил рыбу на Днепре. В это время в городском парке, расположенном на возвышенности, находился немецкий солдат, который пытался заигрывать с белорусской девушкой. Увидев рыбака на воде, солдат предложил окружающим оценить его способности как стрелка. Он вскинул винтовку, прицелился и выстрелил. Пятнадцатилетний мальчик упал замертво на дно челнока. Человек для них был просто мишенью.

Стали появляться люди, которые переходили на сторону оккупантов. У нас в школе учителем истории работал некто Жизневский. Это был красивый, представительный молодой человек, на которого заглядывались все девчонки нашей школы. Пришли немцы, и мы вдруг узнаем, что он стал полицейским. В старших классах нашей школы учились два брата, комсомольцы - они тоже стали полицейскими.

Старосты, как правило, все были из местного населения. Что двигало ими, этими оборотнями, которые жили рядом с нами, дышали одним воздухом и для которых, как всем казалось, существовали одни со всем обществом моральные ценности и идеалы? Почувствовав возможность обрести власть над людьми, они мгновенно преобразились и, как свидетельствуют факты, были часто гораздо более жестокими к людям, чем оккупанты.

Речица пробыла под немецкой оккупацией с 23 августа 1941 г. по 18 ноября 1943 г. За это время в городе были разрушены и сожжены спичечная фабрика «Десять лет Октября», лесозавод им. Кирова, дубильно-экстрактовый завод им. Ворошилова, метизный завод «Интернационал» и фанерная фабрика, городская электростанция и хлебопекарня. В развалинах остались лежать шесть школ, четыре детских дома, центральная городская библиотека, три клуба, городская больница и железнодорожная станция. Исчезли целые кварталы домов по улицам Пролетарская, Кладбищенская (ныне Авиационная).

Заводы и фабрики, школы можно отстроить заново, затратив время, силы и деньги. И не только восстановить, но даже умножить, улучшив прежнее качество. Но как вернуть погибших?

По переписи 1939 г., в городе проживало 29796 жителей, включая 7237 евреев. За три года оккупации, в ходе военных действий, бомбардировок, артиллерийских обстрелов, акций по уничтожению мирных жителей погибло 4395 чел. - 4190 горожан и 205 военнопленных. Среди них были люди всех национальностей, проживавших на территории Советского союза, но свыше трех четвертей жертв Речицы (3500 чел.) составили евреи, единственной виной которых оказалась их национальная принадлежность.

Согласно плану «Ост», гитлеровское руководство планировало в течение 30 лет 75% белорусского населения по расовым и политическим признакам уничтожить или выселить на Восток, а остальных 25% — онемечить и использовать в качестве сельскохозяйственных рабов. Осуществление нацистами политики геноцида белорусского народа началось с первых дней войны. Расстрелы и массовые экзекуции приобрели огромные размеры.

Вот выдержки из сообщений Советского Информбюро о зверских расправах гитлеровцев с мирными советскими гражданами на оккупированной территории Белоруссии в июне — августе 1941 г. от 22 сентября 1941 г.:

«Приводим выдержки из дневников, найденных у немецких солдат и офицеров, убитых в боях. Фашистское отродье с хладнокровием профессиональных убийц описывает свою бандитскую расправу с мирным советским населением. Немецкий солдат Эмиль Гольц, член национал-социалистской партии, пишет: «25 июня. Проходя через Слоним, вместе с Вальтером принял участие в очистке лавок и квартир. Кое-какие нужные вещи я захватил в машину. 28 июня. На рассвете мы проехали Барановичи. Город разгромлен. Но еще не все сделано. По дороге от Мира до Столбцов мы разговаривали с населением языком пулеметов. Крики, стоны, кровь, слезы и много трупов. Никакого сострадания мы не ощущали. В каждом местечке, в каждой деревне при виде людей у меня чешутся руки. Хочется пострелять из пистолета по толпе. Надеюсь, что скоро сюда придут отряды СС и сделают то, что не успели сделать мы. 5 июля. В 10 часов мы были в мест. Клецк. Сразу же отправились на поиски добычи. Взламывали двери топорами, ломами. Всех, кого находили в запертых изнутри домах, приканчивали. Кто действовал пистолетом, кто винтовкой, а кое-кто штыком и

прикладом. Я предпочитаю пользоваться пистолетом».

Другой фашист-людоед, обер-ефрейтор Иоганнес Гердер пишет в своем дневнике: «25 августа. Мы бросаем ручные гранаты в жилые дома. Дома очень быстро горят. Огонь перебрасывается на другие избы. Красивое зрелище! Люди плачут, а мы смеемся над слезами. Мы сожгли уже, таким образом, деревень десять. 29 августа. В одной деревне мы схватили первых попавшихся 12 жителей и отвели на кладбище. Заставили их копать себе просторную и глубокую могилу. Славянам нет и не может быть никакой пощады. Проклятая гуманность нам чужда».

Солдаты и офицеры вермахта повсеместно совершали расправы над белорусским населением. Совершению преступлений способствовала идеологическая обработка солдат вермахта и СС в ходе подготовки к агрессии против СССР. В изданной для личного состава вермахта «Памятке немецкого солдата» говорилось: «У тебя нет сердца, нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сочувствие — убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, — убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семье и прославишься навеки».

Карательные операции против партизан и населения Белоруссии гитлеровцы проводили с первых дней оккупации. В июле 1941 г. полицейский полк «Центр» организовал карательную акцию в Беловежской пуще и прилегающих к ней районах, в ходе которой уничтожил многие населенные пункты. В августе части 221-й и 286-й охранных дивизий провели карательные операции в районе Ивацевичей и близ Лепеля, а подразделения 162-й и 252-й пехотных дивизий — в Богушевском районе.

В донесении об итогах операции в районе Богушевска гитлеровцы писали, что ими расстреляно 13788 человек из числа гражданского населения. Тогда же нацисты сожгли деревни Голощакино, Застенки, Спруги, Навязки, Тесны и др. Речь уже не идет о концлагерях на территории Белоруссии, которые уничтожили сотни тысяч советских людей, в том числе стариков и детей. Гомельская область до сих пор помнит ужасы детского концлагеря, где у ребятишек отбирали кровь для немецких солдат. А ведь самое страшное - когда под молот войны попадают дети, беззащитные, растерянные. Жертвами этого чудовищного преступления стали более полутора тысяч детей. 167 тысяч детей было убито в Белоруссии. Это страшно читать. Ну дети-то чем провинились перед фашистами!?

В Речице часто проводились так называемые «зачистки». Немцы ходили по дворам и искали либо партизан, либо крепких, трудоспособных молодых людей или девушек, которых потом угоняли в Германию. Во дворах неистово лаяли собаки, их было много, почти в каждом дворе. Первым делом перестреляли всех собак, осмелившихся на них лаять. Ходили по улицам наглые, самоуверенные, рукава у них были засучены по локоть, человек по пять цепью, на шеях висели автоматы. Заходили в каждый двор, и спрашивали, нет ли партизан и если, не дай бог, находили кого-нибудь, пощады не было никому.

Однажды я сама чуть не оказалась в числе угнанных в Германию. Спасла меня соседка по дому Анна Медведева. В этот день все мои сестры были вместе с мамой в деревне у родных. Я была дома одна. Вдруг ко мне пришла наша соседка, тетя Аня, и говорит мне: «Мария, ты должна спрятаться, немцы ходят с облавой и забирают молодежь для отправки в Германию». Она отвела меня в малину и посадила там: «Никаких звуков чтобы не было!»

Вижу, идут немцы по улице, заходят к нам в дом. Потом трое, видимо, решили обследовать огород, двинулись в мою сторону. Шли прямо на меня. Я обернулась - и с другой стороны немцы идут. Ну, думаю - всё, конец... А они на полпути почему-то приостановились, поговорили о чем-то между собой, развернулись и ушли. Я же пролежала в этом малиннике не помню, сколько времени, пока тетя Аня не пришла за мной. Она сказала, что немцы забрали трех парней с нашей улицы и четырех девочек.

Так что малина меня спасла от угона в Германию.

Школы не работали, два года мы не учились вообще, только на третий год оккупации решили открыть школу. Но преподавали там только пение, белорусский язык, литературу, математику и закон божий. Священник приходил проводить занятия. Русского языка не было. Занятия велись только на белорусском языке. Преподавали местные учителя из числа тех, что остался в городе.

Отношения с оккупантами

Немцы ходили по городу и вселялись в те дома и квартиры, которые им приглянулись. Если им нравился дом или квартира, они входили, занимали комнаты и оставались там жить. А хозяева жили в оставшихся помещениях, чуланах, сараях, уезжали в деревню, если было к кому, или у соседей ютились.

Надо сказать, что из оккупантов наиболее агрессивно вели себя румыны и венгры. Немцы их напугали, что все русские женщины - партизанки. Поэтому они не ходили по домам поодиночке, а только по несколько человек с автоматами. Забирали все, что им нравилось. Немцы этим не занимались, они зачастую меняли вещи или соль на продукты.

Итальянцы не очень стремились воевать. Их постоянно видели на рынке, где они продавали свое оружие, им ближе была мирная жизнь, нежели война, постоянно ухаживали за белорусскими женщинами. Если они видели, что девушка красивая, вечером приходили к ее дому и в лучших итальянских традициях под ее окнами пели итальянские песни, исполняли серенады и арии.

Немцам тоже нравились белоруски, причем, многие из них женились на наших девушках и увозили их с собой в Германию, нарушая, таким образом, приказ Гитлера о соблюдении чистоты арийской расы.

Чехословаки и поляки относились к нам неплохо, многие из них уходили в партизаны. Помню, как-то они пришли к нам и спросили, как попасть к партизанам, а мама незаметно мне моргнула, что, дескать, не знает, что у нее маленькие дети, она никуда не выходит, словом, ничего не знает. Местные жители очень опасались провокаций, поэтому старалось не отвечать на подобные вопросы.

В нашем доме несколько раз поселялись немцы. Пришли, оценили обстановку, расположение комнат, выбрали себе ту, что пришлась им по вкусу и поселились. Их было двое, они заняли у нас самую большую комнату, а мы вшестером, т.е. мама и пять моих сестер, остались в двух маленьких. Немцы питались у себя в комнате, за обедами ходили с котелками в свою столовую. По отношению к нам они не зверствовали, в целом, относились сдержанно, иногда брали нас, детей, с собой в свою столовую и клали нам тоже еду. Наверное, видели, что мы голодаем.

Один из них, Ганс, был помоложе и не по годам полный. Имени второго сейчас уже не помню. Ганс был большой любитель меда. Дом, в котором мы жили, находился рядом с бывшей детской колонией. При отступлении наши войска всех детей вывезли. Остались только пустые постройки и прилежащий к ним сад. На территории сада сохранились ульи, и этот Ганс, заметив их, стал постоянно туда наведываться, каким-то образом выкачивать мед и отсылать его в Германию. Особого подхода к пчелам у него не было, соответственно, он был постоянно искусан ими. Спустя некоторое время мы заметили, что он стал обмазываться какой-то зловонной мазью, и с завидным упорством снова и снова шел к ульям. Все дети, в том числе и мы, бегали за ним по пятам и дразнили его, не понимая, как это было опасно и насколько плачевно для нас все могло закончиться. А Ганс не обращал на нас никакого внимания и продолжал заниматься своим делом. И совсем уже перед приходом наших войск он набрал большую банку меда, мы за ним наблюдали, и исчез.

После Ганса на второй или третий год оккупации у нас на квартире некоторое время

жил еще один немец, который сравнительно неплохо владел русским языком. Он, конечно, видел, что вся наша многочисленная семья голодает, и, как и предыдущий постоялец, тоже иногда помогал иногда нам - брал с собой меня, как самую старшую, и соседского мальчика моего возраста, когда шел за обедом на немецкую кухню и наполнял едой свои и наши котелки. Мы ему помогали нести еду, а он, таким образом, нас подкармливал.

Иногда он настраивал свой радиоприемник на Москву и вместе с нами слушал последние сводки. Порой в его разговорах проскальзывало негативное отношение к Гитлеру, к его политике, которая привела к массовой гибели людей, в том числе и его соотечественников. Мы, в свою очередь, боясь, что это провокация, относились ко всему сказанному очень настороженно. Правда, позже мы убедились в искренности его слов. Однажды он откровенно признался, что вся его семья в Германии погибла от бомбежки - отец, мать и сестра, и он остался один. Он говорил, что Гитлер виноват, что начал войну. Мы не знали, кто он был по профессии, и у него не спрашивали. Но, скорее всего, он был учителем русского языка, так как довольно сносно говорил по-русски. Жил он у нас примерно около месяца.

С ним была еще связана такая история. На кухне стояли его мешки с сухарями, один с белыми, другой с черными. Как-то однажды, когда дома никого не было, я позвала к себе моих подруг, по-хозяйски открыла мешки и стала угощать друзей сухарями. В это время пришел денщик нашего постояльца - власовец. Он снял автомат и направил его на меня - дескать, почему ты разрешила? Почти следом за ним вошел наш немец, выхватил у него автомат и выставил этого власовца за дверь. Фактически он просто спас нас.

Позже в разговоре с нами он сказал: «Вот вы говорите, что мы - немцы плохие, а ведь вас хотел убить ваш же соотечественник, ваш же русский. Не пришел бы я — он просто расстрелял бы сначала вашу маму, а потом и вас всех». Ну, что можно еще сказать?

Был и такой случай. Основная часть немецких солдат жила на территории бывшей детской колонии. Там же рядом размещались немецкие автомобили, грузовые машины, мотоциклы. Однажды мы заметили, что с машин сняли моторы, а сами машины остались брошенными на территории колонии. Чувствовалось, что немцы готовятся к отступлению. Дети - народ любопытный, мы решили узнать, что же находится в кузовах этих машин. Мы подгадали время, когда никого из немцев не было рядом, залезли наверх и увидели, что в них полно мешков с какими-то продуктами. Оказалось, там - горох, фасоль и еще что-то. Для нас это были просто сокровища! Точно мы еще не знали, ушли ли немцы, и, как выяснилось потом, они еще прятались на территории колонии в подвалах, в погребе. Мы-то этого не знали. Увидели мешки, сбросили каждый по одному с машин и волоком потащили домой. Я лично притащила мешок гороха, парень, мой сосед - мешок фасоли. Мама увидела меня и обомлела. Я помню, что она очень испугалась и заплакала: «Там же немцы, вы понимаете, что они могли вас просто расстрелять!». Но мы, конечно, тогда не думали об опасности, а со счастливыми лицами просто тянули свою «добычу», кто сколько мог, потому что знали, что вся семья голодает, а горох - это настоящее лакомство по сравнению с клевером или мерзлой картошкой, что это верный способ прожить какое-то время.

Вот почему сейчас трудно видеть, как порой выбрасывают хлеб или другие продукты, а ведь в войну одной коркой хлеба можно было накормить целую семью и спасти, быть может, несколько жизней. Все в мире меняется.

Партизаны

В первые четыре месяца после начала оккупации, когда шли оборонительные сражения и велось отступление советских войск, в Белоруссии и целенаправленно, и

стихийно создавались партизанские отряды как из числа вырвавшихся из окружения красноармейцев, так и гражданского населения. Они были небольшими и мобильными. Влившаяся в них местная молодежь, как правило, стремилась раздобыть красноармейское обмундирование, чтобы после частых стычек с немцами и диверсий население видело: жива наша армия, только методы борьбы иные.

Первоначально отряды не могли координировать между собой действий, воевали, как умели. Им по возможности содействовало подполье в городах и селах, которое также было инициативным, но разрозненным, неопытным. Но постепенно опыт приобретался и, как говорили, стрелять начал каждый куст, камень, юноша и старик... При слове «партизан» нередко разбегались целые подразделения немцев.

Не испугал белорусов и кровавый массовый террор, проводимый по указанию фюрера. Так, в приказе начальника штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил Германии от 16 сентября 1941 года подчеркивалось: «На указанных территориях человеческая жизнь ничего не стоит, и устрашающее воздействие может быть достигнуто только необычной жестокостью. В качестве искупления за жизнь одного немецкого солдата, как правило, должна считаться смертная казнь 50— 100... Способ приведения приговора в исполнение должен еще больше усилить устрашающее воздействие». В другом документе от 11 ноября 1941 года разъяснялось, что это требование распространяется на жителей всей партизанской республики, включая женщин и детей. И это реализовывалось фашистами, о чем свидетельствуют факты, правдиво показанные в известном фильме Э.Климова «Иди и смотри». Очень жизненный фильм.

Однако постепенно партизанское движение расширялось и становилось гораздо более активным, чем в первые дни оккупации. В городе жить становилось невозможно, народ просто бедствовал, люди были без работы, без пищи, без всяких средств к существованию. Поэтому очень многие уходили в лес, в партизаны.

Оставшееся местное население, чем могло, помогало партизанам - их кормили, им передавали информацию, носили продукты, связь была довольно хорошо поставлена. В деревне, где жила моя прабабушка, почти все жители ушли в партизаны, особенно молодежь. Немцы, узнав, что почти вся деревня опустела, что жителей почти не осталось, приехали и сожгли оставшихся, в том числе и мою прабабушку, Вассу Забиран.

Руководили партизанскими отрядами местные коммунисты. Многие из них сразу ушли в лес, остальные многие уходили в лес после того, как коммунистов стали в городе искать и расстреливать. Я уже писала, что многие поляки уходили в партизаны, да и чехословаки тоже.

К нам в Речицу партизаны не приходили, но связь у города с партизанами была. А в близлежащие деревни партизаны приезжали часто, в частности, и к моей бабушке в деревню часто навещались. Жители давали им сало, хлеб, когда могла. Помогали партизанам все, кто чем мог. И это притом, что у самих-то кушать было нечего. Именно в войну, в этих экстремальных для человека условиях проявились лучшие черты нашего народа умение услышать чужую боль, разделить боль утраты, помочь, чем можно, поддержать, поделиться последним куском хлеба.

Как-то я поехала в бабушке в деревню, у меня там была подруга. Мы вышли на улицу. А был какой-то праздник, бабушка как раз напекла блинов, мы с удовольствием угостились ими. Тут говорят, что к соседу приехали партизаны. Приехали два всадника и поставили своих лошадей у сарая соседа моего дедушки, Дмитрия Шавловского (его сын Иван вместе со своим другом ушли несколько месяцев назад в партизаны и ходили разговоры, что они оба погибли). Сами всадники ушли куда-то, а лошадей оставили.

Вскоре появилась машина с немецкими солдатами. Немцы проехали мимо нескольких домов и собирались уже ехать в центр, но вдруг резко развернулись обратно - заметили привязанных за сараем оседланных лошадей. Стали расспрашивать

хозяйку дома, что это за лошади, откуда они появились. Женщина указала на младшего сына Дмитрия Шавловского Василия. Немцы окружили дом Шавловского и подожгли его. В доме никого не оказалось. Тогда немцы попытались найти всадников в деревне. Нашли они только хозяйку дома Меланью (муж, сын и две ее дочери сумели скрыться). Тогда фашисты на глазах у всех жителей деревни закололи ее штыками.

Затем немцы поехали в поселок Гаевка, где жил отец Дмитрия. Зашли к нему в дом. Старик был дома один, его не тронули. Остальные жители прятались в огородах или попытались убежать в лес. Немцы поняли, что в домах никого нет, и пошли по огородам. Если кого-то находили, сразу расстреливали автоматной очередью прямо на месте. Были зверски убиты мать Дмитрия, а заодно и четверо детей соседа Шавловского (его однофамильца). Партизан так и не нашли.

Когда немцы ушли из деревни, вернулся к дому младший сын Василий и увидел ужасную картину - свою мать без глаз, растерзанную и истекающую кровью. От нервного потрясения он неожиданно запел, а все окружающие не могли сдержать слез и плакали. Хоронили убитых на следующий день всей деревней.

Такие расстрелы проводились повсюду и постоянно.

Помню, однажды, ни с того, ни с сего немцы стали сгонять все население на базарную площадь. Никто не понимал, зачем, но было ясно, что произойдет что-то ужасное. Оказалось, немцы арестовали нашу местную девушку. Позже мы узнали, что по заданию партизан она должна была подойти к театру и взорвать немецкое собрание, но, к сожалению, ее схватили и тут же на месте, на площади повесили. Мы видели эту жуткую картину - как она висела мертвая посреди площади.

Но этими мерами немцы ничего не могли достичь. Сопrotивление возрастало с каждым днем. Уже к концу 1941 года в Белоруссии было создано 88 партизанских отрядов, командирами которых становились и местные авторитетные люди, и офицеры Красной Армии, оказавшиеся в тылу противника. Партизаны причиняли много бед немцам, воевали с ними дерзко и умело. Белоруссию не зря называют страной партизанских троп - там что ни лес, то партизанский отряд. Немцы боялись идти в лес, вместо этого они просто жгли деревни. 360 деревень было сожжено в Белоруссии немцами, погиб каждый третий житель республики.

В опубликованных материалах итогов ВОВ. в том числе и на сайте президента Республики Беларусь Лукашенко, приводятся следующие данные.

В Белоруссии действовало 1108 партизанских отрядов (из них 1003 были объединены в 199 бригад). В их рядах насчитывалось свыше 374 тыс. бойцов, кроме того, в подпольных организациях действовало более 70 тыс. чел. В партизанских резервах было свыше 400 тысяч человек, которые находились на боевом учёте в отрядах и бригадах и участвовали в партизанской борьбе. Возраст свыше 45% всех партизан Б. 18—25 лет. Более 1/3 составляли коммунисты и комсомольцы. Женщин среди партизан было 16%. Вместе с белорусами в партизанском движении участвовали русские (19,3%), украинцы (3,9%), литовцы, латыши, эстонцы и представители других национальностей СССР, а также поляки, словаки, чехи, болгары, сербы, венгры, французы, немцы и др.

С конца 1943 партизаны контролировали около 60% всей территории Белоруссии. За 3 года борьбы в тылу немецко-фашистских оккупантов партизаны Белоруссии истребили и вывели из строя около 500 тыс. гитлеровцев и их пособников, разгромили 948 немецко-фашистских гарнизонов и штабов охранных войск, 29 железнодорожных станций, уничтожили 305 самолётов, 438 орудий, взорвали 939 воинских складов, подбили 1355 танков и бронемашин, 18700 автомашин.

Знаменитая «рельсовая война» белорусских партизан причинила большой урон немецко-фашистским вооружённым силам. Партизаны пустили под откос 11128 воинских эшелонов и 34 бронепоезда, подорвали 819 железнодорожных мостов, 4710 мостов на дорогах, разрушили свыше 7300 км телефонно-телеграфной линии связи.

Содействуя наступлению Красной Армии летом и осенью 1943, партизаны Белоруссии провели две крупные операции под условным названием «Рельсовая война» и «Концерт», в результате которых перевозки врага в Белоруссии сократились на 40%. Партизаны отвлекали на себя около 10% вооружённых сил немецко-фашистских войск, действовавших на советско-германском фронте.

Это, конечно просто цифры, но за ними стоит беспримерная, самоотверженная борьба миллионов обычных людей, просто не пожелавших стать придатком Германии. Только потому мы и победили, что защищали свою Родину.

За счет чего жили

Денег не было, работы не было.

Деньги вообще не ходили, и если мы шли на базар, то только для того, чтобы поменять вещи на продукты. Из сел привозили разные продукты: сало, масло, сметану, а мы - горожане, меняли свои вещи на то, что привозили крестьяне.

Мы с мамой часто ходили в деревню к моим бабушкам по женской и мужской линии и там тоже меняли все, что могли. А могли мы менять только то, что было из одежды у мамы. Нужно сказать, мама наша всегда одевалась хорошо. Прежде всего, потому, что прекрасно шила, умела смастерить из самой простой тряпки изысканный наряд. Этому всегда дивились все соседи. Кроме того, у мамы был брат, который служил на флоте до войны, он присылал маме разную одежду. Вот эти мамины «запасы» и шли в обмен на продукты. Семья-то была большая. Особенно часто работать «менялой» приходилось мне, поскольку сестренки были еще маленькие. Иногда мы оставались у родных в деревне и какое-то время всей семьей жили там, у родных ведь было хоть какое-то хозяйство - то есть жили за счет своих деревенских родственников. Наменяем сколько-то продуктов, возвращаемся домой.

Бабушка моя жила в 18 км от Речицы в деревне Яновка. Сейчас вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову идти пешком, добирались бы только на машине, а до войны мало у кого были машины, поэтому мы везде ходили пешком. Мало того, что надо было идти по шоссе на дороге 11 километров, потом еще нужно было преодолеть расстояние в 7 километров по лесу. Далеко и страшно было идти. Хотя, в принципе, до войны мы гуляли по лесу всегда много и с удовольствием. Лес недаром считается на территории Белоруссии основным богатством: обилие грибов и ягод, лечебных трав, мелкого и крупного зверя испокон веков помогало выживать местным жителям. С бабушкой или мамой мы часто и далеко ходили в лес, чтобы набрать грибов или ягод.

То было до войны. А в войну - это была не прогулка, а обязанность. Нужно было добыть что-нибудь для семьи. Поэтому то я, то мама частенько ходили в такие походы. Сестренки были еще маленькими. И вот я сошла с шоссе и знаю, что мне осталось пройти не так много - 7 километров. Но какие! Почти на подходе к деревне было одно место, мимо которого было не страшно, а просто жутко идти - это было непроходимое болото, которое местные-то жители - и те старались обходить. Там постоянно стоял волчий вой. Это было своеобразное испытание на прочность. Мне 15 лет, страшно, а что поделаешь - надо идти. По дороге иногда встречались местные мужики, мимо на машинах часто проезжали немцы. Но, к слову сказать, мне везло - кто бы ни встречался, никто никогда меня не обидел.

Однажды я иду по шоссе известным уже маршрутом, вдруг меня догоняет немецкая машина. Немцы спрашивают: «Куда ты идешь?», я говорю: «К бабушке». - «Покажешь дорогу в деревню?», говорю: «Да». А что еще я могла ответить? Меня посадили в кабину, я ехала рядом с водителем и показывала дорогу. Страх не было, пожалуй, я просто не успела испугаться. Вскоре мы приехали в деревню, я им сказала, что нахожусь уже возле дома моей бабушки и мне надо выйти, они остановили машину, и я вышла. Ну, думаю, пронесло. Оказывается, в деревню они привезли соль — в деревнях

соли не было совсем, и на эту соль они меняли яички, молоко, масло, сметану. Они до такой степени любили яички, что как только крестьяне приносили им яйца, они прокалывали их иголкой или булавкой и тут же выпивали.

Бывало и так, что мы по 2-3 дня вообще ничего не ели. Просто нечего было. Тогда мы питались клевером - собирали цветки, сушили, мололи и делали из него муку, собирали щавель, лебеду, крапиву, травы. Зимой собирали на полях мороженую картошку. Варили какие-то похлебки - жалкое подобие супа в нашем сегодняшнем восприятии, но тогда это было очень даже вкусно.

Дом, в котором мы жили, был на 2 хозяина и огород, соответственно, делился на две части. Он был источником нашего питания, поэтому с особой тщательностью мы им занимались - обязательно сажали картошку, лук, чеснок, зелень. Правда, росли еще и кустарники малины и смородины. Я уже писала, что именно наша малина, вернее заросли малины сохранили мне жизнь - помогли спрятаться от угона в Германию.

Мы постоянно ходили в лес, собирали ягоды, грибы, словом, все то, что могло быть съедобно. Конечно, вид у нас был изможденный, мы все были худые, бледные, кожа да кости, как говорила моя бабушка. Постоянно хотелось есть. Когда после войны мы с семьей приехали в г. Дальний в Китай и там нам выдали паёк, мы впервые за много лет поняли, что такое вволю поесть, просто нормально питаться. Я до этого даже не знала, что существуют такие напитки, как лимонад, пиво. То, что еда может быть разной, вкусной, да еще обильной, мы ощутили только после войны.

Освобождение от оккупации

Оккупация продолжалась три года. Начало освобождению восточной части Белоруссии было положено осенью 1943 года. По официальным сводкам с сентября 1943 года по февраль 1944 года освобождены 36 районных и 2 областных города (Гомель и Мозырь), прилегающие к ним села, что составило пятую часть территории республики.

Войска Белорусского фронта успешно провели Гомельско-Речицкую и Калинковичско-Мозырскую наступательные операции. 18 ноября наша армия наконец освободила город Речицу! Это был первый город Беларуси, за взятие которого в честь отличившихся войск согласно приказу Верховного Главнокомандующего был дан победный салют.

Характеризуя военную кампанию 1944 г. на восточном фронте, генерал-фельдмаршал В.Кейтель признал: «Сам ход боев ознаменовался для меня тремя решительными событиями: поражением в Центральной Белоруссии, поражением в Румынии и вторжением союзников на Западе, что и привело меня к выводу, что Германия военным способом не сможет добиться победы в этой войне» [«Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. - М., 1967. С. 652].

В период начала оккупации немцы достаточно тихо заняли наш город. Так же тихо вошли и наши войска, освобождая его. Немцы же, жившие на квартире у бабушки, узнав, что наша армия неожиданно вошла, побросали все свои вещи, документы, машины и в одном белье бежали из деревни.

Освобождения, как и оккупации, мы, конечно, очень ждали, но не ожидали. Правда, заметили, что последние два дня немцы как-то засуетились. Много машин проезжало, начались какие-то передвижения. Над станцией стали часто появляться самолеты и бомбить немецкие поезда. Ложились спать - в Речице были немцы, проснулись утром - город уже наш. Когда мы вышли во двор, там лежал мертвый немец, в сапогах, лицом вниз. Мы ужасно боялись к нему подойти, мало ли что случится. Долго никто не подходил. На следующий день он лежал там же, но уже без кителя и сапог. Видно, ночью кто-то приходил и снял с него вещи. Наутро труп исчез.

Почти сразу после освобождения города мы получили первое за период оккупации письмо от папы — сколько же в доме было радости, что он жив! Почти три года не было ни строчки и вдруг письмо! Многие стали получать письма от фронтовиков. Наша соседка, тетя Аня тоже вскоре получила письмо от своего мужа. Моя подруга Лариса получила письмо от отца, наконец-то появилась связь.

Папа прислал нам свой офицерский аттестат, по которому мы могли получать деньги, появилась возможность не менять, а покупать продукты. Правда, с продуктами было тяжело, так как их по-прежнему почти не было, но появилась надежда. Уже после освобождения ввели карточки, по ним мы получали хлеб. Когда, после долгого перерыва, мы впервые почувствовали запах настоящего свежесдобитого хлеба, это было так же, как если бы сейчас ребенку показали его любимое лакомство. От этого запаха просто кружилась голова. Я до сих пор помню этот удивительный, соблазнительный запах сытости.

За хлебом у нас ходила моя сестра Шура. Из пяти сестер она была самая боевая, ей почти всегда удавалось получить хлеб без очереди. Но ей с огромным трудом удавалось донести буханку хлеба в первозданном виде, чаще она приносила ее домой уже наполовину общипанную. А кто из нас не любил эту душистую хрустящую корочку, да еще горячую! Мама Шуру не ругала. Она аккуратно разрезала хлеб на равные кусочки и мы с вождением смотрели на него, стараясь есть помедленней, чтобы растянуть это удовольствие. Шура обычно быстрее всех съедала свою порцию, и тогда каждый из нас понемногу добавлял ей от себя. Нам было не жалко, она была на голову выше всех нас.

В это же время открылись школы, и мы снова стали учиться. Учебу в седьмом классе при оккупантах нам засчитали, и после освобождения города я продолжила учебу в 8-ом классе.

День Победы

Все ждали, что война вот-вот закончится, но когда именно, никто не знал. Мы постоянно слушали радио, отслеживали продвижение наших войск на Западе, знали, что захватили Берлин. Помнится, тогда практически каждый день салютовали, отмечая очередной взятый рубеж.

9 мая 1945 года вся наша семья была дома, кроме папы, конечно. Сидели, слушали радио и вдруг незабываемый голос Левитана - Победа!!!

Трудно передать словами, что происходило вокруг: все кричали от радости, выбежали на улицу, бросались друг к другу, целовали друг друга, обнимались. Взрослые, подростки, совсем еще малыши - все бегали и кричали - победа, победа! Да, прекрасный был день!

Как же радовались люди, пережившие оккупацию, голод, страх, нашим солдатам - освободителям. С тех пор прошло более 65 лет, а у меня при воспоминании об этой встрече подступает комок к горлу.

Но день Победы запомнился мне еще и тем, что этот день у нас во дворе произошла трагедия. Все были на улице, была масса народу, и вдруг непонятно откуда раздался выстрел, шальная пуля попала в единственную дочь наших соседей. И девушка погибла... Так мы и не узнали, кто выстрелил. Вот такая случайность и вместо радости - горе в семье. Не зря говорят в народе, что радость часто идет рядом с горем.

Но общее настроение было удивительным. Это было счастье - узнать, что пришел конец людским страданиям, голоду, невзгодам. Что жизнь приобретает какой-то смысл и вновь можно жить, мечтать и радоваться простым, казалось бы, вещам - тому, что все вокруг свои, не надо прятаться по углам и ждать, когда за тобой придут и ни за что расстреляют, что все, кого мы любим - рядом и не надо расставаться. Словами это чувство не передать. Это было в далеком сорок пятом, но такое же чувство радости я

испытываю и сегодня, в очередной День Победы, который отмечает вся наша страна. Уже почти 66 лет отделяют нас от первого Дня Победы, столько событий произошло за эту долгую жизнь, а все так же живы в памяти события тех далеких дней.

Фронтовики в нашей семье

Мой отец, Борис Борисович, прошел всю войну с Германией и Японией.

К сожалению, я не знаю, в какой части он служил, кем был по военной специальности. Он был офицер, старший лейтенант, по-моему, начальник финансовой части. Знаю, что в их части было много машин - возможно, это была транспортная часть. В детстве нам этого не говорили, а, повзрослев, мы просто забыли об этом спросить. Сам он нам об этом не упоминал.

Папа часто писал нам с фронта, до оккупации и после нее, мама отвечала на письма. А мы просто радовались, что папа жив, что помнит о нас, и очень надеялись, что скоро он придет. Знаю, что он был награжден орденами и медалями. Позже, конечно, можно было бы это все и узнать, но сам он не любил говорить о войне и где и за что был награжден. Он, как и многие ветераны войны, старался вычеркнуть из памяти весь этот период жизни, как будто его и не было. Просто иногда он говорил: «Не дай бог вам это все увидеть!». И мы понимали, что пережил нечто страшное. Да это и понятно. Вся страна пережила это, и всем хотелось не оглядываться назад, а идти только вперед, забыть про все те лишения, которые каждому из нас принесла война. Нужно сказать, и мой муж, Григорий Яковлевич, почти никогда не касался в разговорах подробностей войны. Да и почти все ветераны войны не очень любят вспоминать этот страшное время.

После завершения войны с Германией отца направили на войну с Японией. После окончания войны с Японией в 1946 году ему дали отпуск, и он, наконец, вернулся домой. В июне 1946 года его демобилизовали и направили на работу в КНР в город Дальний, расположенный недалеко от Порт-Артура. Отец забрал нас туда с собой.

В Дальнем он работал главным бухгалтером на одном из заводов. Нам дали квартиру в японском доме на первом этаже, мы жили вместе с японцами. Там мы прожили 2 года, и это было прекрасное пребывание, осталось очень много самых приятных впечатлений. Но очень хотелось домой!

Затем мы, наконец, переехали на Украину, в город Черновцы, где жил брат папы. Он нам очень помог, прежде всего, тем, что предложил две комнаты в своем доме. Там начался уже новый период нашей жизни.

Мой муж Григорий Яковлевич Деревянко, как и мой отец, был участником Великой Отечественной войны, прошел ее от начала до конца. О нем, его фронтовом пути я знаю больше. С октября 1941 года - сплошные фронтовые дороги. После окончания войны с Германией он участвовал и в войне с Японией, потом оказался в городе Дальнем, где мы с ним познакомились и поженились.

Он прошёл суровую жизненную школу. До призыва в армию Григорий окончил Ташкентский центральный аэроклуб, затем Вольское авиационное училище. Воевал на Северо-Западном, Ленинградском, Волховском, Воронежском фронтах. В 1943 году

Григорий защищал и освобождал Воронеж. Спустя много лет, когда мы переезжали в Воронеж из Ташкента, он вдруг увидел на обочине дороги памятник погибшим воинам и написал:

Подъехал к Воронежу, глянул в окно...
Невольно припомнил былое:

Вот памятник другу, до боли родной,
 Над братской могильной плитою.
 Кто здесь похоронен? Всех не узнать,
 Кто ж их имена мне подскажет...
 Глаза закрываю и вижу опять,
 Как пули косили нас вражьи.
 И, кажется, все это было сейчас:
 Идут в наступление ребята,
 И вот уже нет половины из нас,
 Сухарь с кем делил, словно с братом.
 И, глядя на памятник, думаю вновь,
 Что в вечном долгу мы, живые Пред теми, кто пал за чудесную новь...
 Простите, друзья боевые,
 Что сделали что-то, быть может, не так,
 И в чем поступились мы малость.
 О многом судили в часы меж атак,
 В живых нас немного осталось.
 Взглянув еще раз на могилу в цветах Склонившего знамя солдата,
 Стоим с болью в сердце, морщинкой у рта,
 Опять, как на фронте когда-то.

Был на Курской дуге, на Брянском, Белорусском, Прибалтийском фронтах. Воевал до победы Советского союза над Японией. Так закончились фронтовые будни моего мужа на Дальневосточных землях. А потом началась обычная трудовая жизнь.

Григория демобилизовали и направили на работу в Генеральное консульство Советского Союза в город Дальний. Потом в городе открыли школу для детей советских граждан, нужны были учителя. Директора школы назначили из какой-то воинской части, а Григория назначили учителем истории - он до войны окончил педучилище.

Вот в городе Дальнем мы и встретились с моим будущим мужем впервые.

Первого сентября 1946 года мы с ним зарегистрировались в Советском Генеральном консульстве в городе Дальнем, а 2 сентября у нас состоялась свадьба. На свадьбе присутствовали как сослуживцы моего отца и Григория, так и наши новые знакомые из числа русских эмигрантов, проживающих в городе. Свадьба у нас была необычная: веселая, красивая, с выездом на фиакре. Ее устроили нам наши родители и очень помогли соседи- эмигранты, с которыми у нас сложились замечательные отношения. Это не забывается!

Жаль только, что не сохранилось свадебных фотографий, отображающих это событие. Но в памяти оно сохранилось навсегда. И когда мы отмечали свою золотую свадьбу, мы с ним с огромным удовольствием вспоминали наше знакомство и наши необычные «китайские» свадебные торжества. К сожалению, до шестидесятилетия нашей свадьбы Григорий не дожил всего 3 месяца.

В Китае, этой интересной, древней и загадочной восточной стране нам довелось прожить два незабываемых года.

Но вскоре города Дальний и Порт-Артур передали Китаю, и нам и родителям надо было получать заграничные паспорта, чтобы там жить. Но все хотели домой. Мы вернулись в Советский Союз и обосновались в городе Черновцы Украинской ССР. Там оба окончили педагогический институт и работали в школе. Муж сначала работал директором детского дома, потом директором школы, я - преподавателем русского языка и литературы. В 1949 году у нас родилась дочь Светлана.

11 лет мы прожили на Украине, потом 6 лет в Ташкенте. В 1966 году после землетрясения переехали в Воронеж.

Григорий Яковлевич все послевоенные годы работал в школе. Кроме этого занимался журналистикой, писал стихи, военные воспоминания. Работал внештатным корреспондентом газеты «Коммуна», инспектором общественной приемной этой газеты. С 1997 года - член Союза военных писателей «Воинское содружество».

Он выпустил множество сборников стихов - результат его размышлений о войне, о судьбах его однополчан, просто о жизни. В его сборник «Избранное» вошли стихи, написанные им на фронте с 1941 года по 1945 год и в мирное время с 1946 года по 1997 год. Многие стихи Григория Яковлевича печатались в областных газетах и журналах. Он часто выступал со своими стихами на радио и телевидении. На многие его стихи написаны песни.

В книге «Войной опалённая молодость» он много пишет о войне и о послевоенном времени, поднимает проблему воспитания молодежи и связи разных поколений. Особенно мне нравится это небольшое стихотворение, которое отражает его жизненное кредо, его жизненную установку:

С правнуков мы не спросим,
Правнуки спросят с нас.
Вот почему под осень Дорог нам каждый час.
Каждый миг на учете,
Хочется всё успеть,
Сердце, сумей в работе Жарче ещё гореть!!!

Двоюродный дядя моего мужа - генерал-лейтенант Кузьма Николаевич Деревянко подписывал Акт о безоговорочной капитуляции Японии.

Во время Великой Отечественной войны Кузьма Николаевич возглавлял разведотдел фронта, был начальником штаба ряда армий, а после встречи наших войск с союзниками в Австрии, как умелый военный дипломат, был назначен представителем Советского командования в Союзническом совете в Вене.

У генерала Деревянко было два сына. Старший - Виталий, издавший книгу об отце, и младший - Николай. Виталий говорил, что отец после подписания Акта надеялся на отпуск, поскольку не отдыхал уже долгие годы. Но в декабре 1945 года состоялось совещание Министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, на котором было решено создать Союзный Совет по Японии с местом пребывания в Токио. И 2 января 1946 год Совет Народных Комиссаров СССР назначил Кузьму Николаевича Деревянко членом этого Совета. Он уехал на дипломатическую работу в Японию на долгих четыре года.

В 1951 году он вернулся на Родину. Кузьма Николаевич возглавил одну из кафедр в Академии Генерального Штаба, одновременно занимал высокую должность в аппарате Министерства Обороны СССР.

30 декабря 1954 года после тяжёлой болезни Кузьма Николаевич Деревянко умер. Похоронен он на Новодевичьем кладбище в Москве.

Иногда, вспоминая прошлое, невольно приходится сравнивать заслуги выдающихся полководцев с деяниями современных служаков. Как далеко им до советских генералов,

не блещут они ни на поле брани, ни на поле дипломатии.

Что принесла война нашей семье

Вряд ли, пожалуй, найдется семья, которой бы война не принесла горе и страдания. Наша семья была лишь одной из миллионов таких семей.

О гибели многих своих родственников мы узнали только после войны.

В войну умерла моя младшая сестра Люба. Речицу часто бомбили и мы все прятались от бомбежек в подвале, где она очень сильно простыла. Необходимых лекарств не было, спасти ее не смогли. Позже мы узнали, что у нее был туберкулез костей. Она была необычайно хороша собой. Тоненькая, как березка, статная, белокурая, голубоглазая, с вьющимися волосами, она мне напоминает Марину Влади в фильме «Колдунья». И вот такая судьба. Ей было всего 16 лет, когда она умерла.

Немцы сожгли мою прабабушку Вассу в деревне Безуеве вместе с домом. Ее сын Константин, мамин дядя, погиб в первые дни войны, и прабабушка жила с его тремя детьми. Во время пожара дети смогли убежать. А она была просто заживо сожжена для устрашения других местных жителей, помогавших партизанам. В связях с партизанами подозревали всех и каждого.

Вообще, поскольку в Белоруссии партизанское движение было очень активным, немцы, опасаясь действий партизан, регулярно производили массовые сожжения деревень вместе с жителями, практиковали расстрелы еврейского населения, коммунистов, казни участников сопротивления и карательные акции против партизан и местных жителей.

Во время Великой Отечественной войны и немецкой оккупации всего погибли 9 человек моих родственников. В том числе три родных дяди - Иван, Адам и Антон, мамин дядя Константин Забиран, его мать Васса Забиран, мамина бабушка, двоюродные братья мамы Александр Михайлович Ганецкий (сын тети Акулины), Анатолий Забиран (сын маминого дяди Ивана) Василий Матюшенко (двоюродный брат мамы по отцу), сын двоюродной сестры по отцу Алексей Николаевич Черношей.

Вечная им память!

На территории Гомельской области у деревни Азаричи был единственный в своем роде лагерь смерти, где было уничтожено 70 тысяч человек. В марте 1944 года немцы, предварительно заразив всех узников сыпным тифом, загнали их всех в топкие болота и спокойно ожидали их медленной смерти. Так они пытались остановить быстрое продвижение наших войск на Запад.

Вот такие страшные судьбы... Когда рассказывают подобные ужасы о людях, которых ты знал лично и с которыми жил рядом, трудился и радовался жизни, становится еще страшнее и трагичнее. Только тот, кто пережил войну, может понять весь трагизм и ужас ее последствий.

Послевоенные судьбы

Нелегко складывалась наша жизнь и жизнь наших родных, друзей и знакомых в послевоенное время.

После освобождения я пошла в школу, несмотря на то, что мне было уже 17 лет - в 8-ой класс. Учиться очень хотелось, по учебе соскучились. Соскучились по обычной мирной жизни. Школу-десятилетку я окончила в 1946 году.

Позже, когда я побывала в Белоруссии и повстречалась со своими подругами и знакомыми, я узнала о судьбах моих знакомых и одноклассников. Мне вспомнилась школа, где мы учились. Она находилась в центре села Яновка, рядом с правлением колхоза в поповском доме. Недалеко от школы жили братья Иван и Виктор и сестры Анна и Лиза Тихоновы. Дом их был расположен в глубине большого сада, обнесенного

высоким забором. Деревенские мальчишки часто пытались заглянуть в этот сад, но напрасно братья тщательно охраняли его. По сведениям моего двоюродного брата Николая Пушкаренко, в настоящее время живет в селе только старший брат Иван с детьми (у него 11 детей - 10 сыновей и дочь), сестры Анна и Лиза умерли, а младший брат Виктор во время немецкой оккупации погиб в партизанском отряде вместе с Иваном Дмитриевичем Шавловским.

В одном классе со мной учились Мария Немкевич и Шавловская Нина (дочь Федора Зосимова). Обе девочки мне очень нравились. Мария Немкевич была грамотной, хорошо писала диктанты, прекрасно пела, но редко отвечала на уроках устно, такая у нее была особенность. Письменная речь была хорошо развита, а с устной были проблемы.

Нина Федорова хорошо училась по всем предметам, была смелой и остроумной, не давала в обиду не только себя, но и других девчонок в спорах с мальчишками. С ней мне всегда было как-то надежно и очень интересно. Трагично сложилась жизнь ее семьи во время немецкой оккупации. В первые дни войны немцы расстреляли ее мать и отца, и она осталась одна с младшей сестренкой Клавой. В деревне жила двоюродная сестра Нины или ее отца Матрена (отец-белорус, мать - украинка), по матери никого из родных не было, и девочкам пришлось самим определять свою судьбу. Нина вскоре вышла замуж за двоюродного брата Марии Немкевич, Степана Немкевич, сельского гармониста, с которым прожила более 50 лет (умер в 1998 году). У них три сына и дочь.

Через 22 года в 1968 году я встретила с Ниной. Она была такой же обаятельной и симпатичной, время почти не изменило ее внешность, а наоборот даже сделало ее еще более привлекательной. С Марией Немкевич мне не довелось встретиться, поскольку она вышла замуж и уехала с мужем в другое место. По словам моего двоюродного брата Николая Пушкаренко, муж Марии - педагог. Семья Марии жила в центре села, рядом с семьей Степана Шавловского и домом семьи Терешковых и состояла из 5 человек; отец Иван Немкевич, мать Ульяна Немкевич, старшая сестра Лена и младший брат Виктор. Мария была похожа на свою мать, высокая, стройная, с веселым нравом. Лена и Виктор внешне походили на отца, небольшого роста, худощавые, но красивые. Семья их была гостеприимной и хлебосольной. Дети были хорошо воспитаны. Мать Марии обладала талантом прекрасного рассказчика анекдотов, вела себя всегда неординарно в обществе, чем привлекала к себе всеобщее внимание. Например, она могла сесть на лошадь и въехать в дом, где проходило свадебное застолье.

Как сложилась дальнейшая судьба этой семьи, я узнала от моей одноклассницы и подруги Липы, Иван Михайлович и его жена умерли. Мария живет в Калининграде, куда уехала по вербовке. Там живет ее дочь от первого брака. Старшая сестра Лена работает учителем в Яновке, ее муж - директор школы. Брат Виктор был офицером, служил в Белоруссии, погиб в 1950 г.

Вместе с нами ходила в школу Шавловская Липа, но она училась в другом классе, так как была младше нас на год. В этой же школе учились два ее старших брата - Александр и Евгений. В семье были еще дети - Мария и Рая (Рая умерла в дошкольном возрасте). В 1946 году родилась Светлана, которую я никогда не видела, поскольку в 1946 году уехала из Белоруссии. Все дети этой семьи были похожи на свою мать, Екатерину; высокие, стройные, красивые. Такими же красивыми были и сестры Екатерины - Люба, Олеся и третья сестра (имя не помню). Сестры вышли замуж за военных и уехали с ними по месту службы мужей, но часто приезжали на родину в деревню Гостивель, где жили мать и их брат Алексей. Бывали и в семье старшей сестры. Сестры и брат Алексей положительно влияли на своих племянников и племянниц, помогли им уехать из деревни и определиться в личной жизни. Липа и Мария тоже вышли замуж за военных и живут в городах - Мария и Светлана - в Кишиневе, брат Евгений во Владимире, Липа - в Наро-Фоминске Московской области.

У Липы две дочери, четверо внуков, у Марии - два сына, у брата Евгения - один сын и внук. Старший сын Степана Шавловского был призван в армию в начале войны и не вернулся с фронта.

Среди девочек, с которыми я училась в школе, было много очень талантливых. Особенно выделялась Зина Бобченицер. Незаметная внешне (небольшого росточка, с простым и не очень выразительным лицом), она обладала уникальным голосом, очень напоминающим голос перуанской певицы Иммы Сумак, диапазон которого был в пределах четырех октав. Она приезжала с концертами в город Ташкент, где мы с семьей жили несколько лет, и где мне довелось услышать этот удивительный голос. Слушая Имму Сумак, я вспоминала нашу Зиночку. Недалеко от школы находился военный госпиталь, раненые бойцы на большой перемене приходили к нам в школу, чтобы поучаствовать в импровизированных школьных концертах и послушать пение нашей Зины. Она жила с матерью и старшим братом - рыбаком в небольшом стареньком домике на окраине города, недалеко от центрального парка. Жили они очень скромно, поэтому вряд ли она поступила учиться в консерваторию. Да сколько таких талантливых самородков так и остались нераскрытыми! В мирное время она, конечно же, реализовала бы свой талант, а война полностью перекроила ее судьбу, как и миллионы других судеб.

Училась с нами в 7-ом классе девочка Лариса Половинко, отец которой был командиром партизанского отряда во время оккупации, а до войны работал первым секретарем горкома партии. Мать и младших сестреночек Ларисы расстреляли немцы, Лариса после войны жила с отцом и мачехой и страшно переживала о потере родных.

Первой из моих подруг вышла замуж Бобченицер Нина, тогда я впервые побывала на свадьбе. Мужем ее стал брат подруги по работе (Нина работала в типографии наборщицей), молодой парень, вернувшийся с фронта, инвалид первой группы, без обеих рук. Дальнейшая судьба Нины мне неизвестна, поскольку я тогда уже уехала.

На нашей улице жила Лариса Пашина и доме № 148 или 154, на углу переуллка, который соединял Первую Полевую со Второй Полевой, и мы часто ходили по нему к Дине Пахоменко и Ларисе Евтушковой. После войны эти улицы были переименованы и стали называться Первая Полевая – имени К. Заслонова. Вторая Полевая – имени капитана Гастелло.

Дома на этих улицах были частными, с приусадебными участками и садами. Был сад и у Ларисы Пашиной, причем сад огромный. Особенно много было вишневых деревьев вдоль забора по переулку. Семья Ларисы жила в хорошем доме из 4 комнат. Отец Ларисы и младший брат Слава погибли уже после освобождения города от немцев, поскольку находились в оккупации и были призваны в армию в 1943 году. Старший брат Владимир пришел с фронта инвалидом первой группы и тоже вскоре умер от полученных ран. Остались в доме только три женщины – мать Ларисы, Лариса и ее сестра Элла, которая хорошо играла на гитаре. Лариса вынуждена была оставить школу и пойти работать, чтобы помочь семье. Элла училась в школе, мать серьезно заболела после полученных известий о смерти мужа и младшего сына. Что было потом, я не знала до 1968 года, то есть до первого посещения моей родины через 22 года. Встретила меня мать Ларисы, причем выглядела совершенно здоровой и окрепшей. Элла вышла замуж, у нее двое сыновей, Лариса своей семьей так и не имела и так и жила с матерью.

Состоялась тогда и моя встреча с нашей бывшей соседкой по дому Медведевой Анной, о которой я уже писала и которая помогла мне избежать угона в Германию во время облавы. Муж ее вернулся с фронта живой и невредимый, случай довольно редкий в то время, младший сын Анатолий имел семью и жил в другом городе, а старший Евгений умер от менингита в 1946 году.

Многие мои одноклассники после окончания средней школы поступили в вузы и получили высшее образование. Моя подруга Пахоменко Дина стала после войны

преподавателем русского языка и литературы, работала в школе в деревне Липняки. Её брат был на фронте, воевал, вернулся с войны. Лариса Евтушкова после войны стала врачом. Нина Бобченицер, моя подруга, работала после войны в типографии, она осталась с мамой вдвоем. Отец и брат ее погибли в войну. Вернулся с войны мамин двоюродный брат Иван Акимович Михалевский. Семьи погибших смогли выжить, хотя и испытали огромные трудности в эти годы.

На фотографиях – Иван Акимович Михалевский и семья тети Ани, которая спасла меня от угона в Германию.

После войны мне довелось встретиться только с Иваном Акимовичем, который во время войны был разведчиком. К сожалению, его уже нет в живых – умер в 2006 году. В настоящее время в Речице живут его дети – двое сыновей и две дочери.

К сожалению, были среди местных жителей и те, кто приветствовал приход немцев и сотрудничал с ними, а когда немцы отступали, бежал вместе с ними. Впрочем, некоторые из них возвращались все же после войны, но, боясь быть разоблаченными, не рискнули показываться в родных местах и селились там, где их никто не знал, чтобы земляки не напоминали им об их темном прошлом.